

Повесть о небывшем царе.

От автора:

Это видение было мне в ночь на Владимирскую, 6 июля 1994 года. Небольшая деревянная церковь со множеством икон и горящих свечей. В центре, около алтаря, гроб. В нём, вся в белом, словно невеста, лежит удивительной чистоты и красоты девушка. Вокруг молча стоят простые люди. Слышу Голос: Петр Великий-младший отравил её и все забыли. Вдруг образ церкви пропадает и я вижу незнакомого крупного человека в чистой крестьянской рубахе, подпоясанной тонким шнурком, с чёрной бородой и на редкость грустными голубыми глазами. Недолго, но очень внимательно смотрел он мне в глаза и я не мог отвести взгляд свой. Чей-то голос сказал: Это царь наш... Я смутился. Не видел я, не припомню ни одного известного мне из истории царя русского с таким образом. Разве что чем-то напоминал он Александра III.

И, встретив взгляд этот, стал я понемногу познавать жизнь его. Что-то смутно, что-то ясно приоткрылось, что-то домыслил я самостоятельно, исследуя эпоху царей Алексея Михайловича и Петра I. И вот, кажется, постепенно удалось мне рассмотреть жизнь этого, вычеркнутого из нашей русской истории человека - Михаила Алексеевича (†17 февраля 1708 нов.ст.), сына и внука царей, который и сам должен был нами править. Да не довелось.

Я долго пытался понять: кто же она - та красавица в белом, отравленная Петром. Сейчас я думаю, что это была Святая Русь...

К этому прилагаю мой рассказ, тем видением вдохновленный.

...Имя моё Михайло, я старший сын государя Алексея Михайловича и назван в честь деда, основателя нашего царского рода государя Михаила Фёдоровича. Детство и учёба помнятся очень смутно, но учеником был старательным, потому что знал: со временем доверена будет мне в управление вся земля русская. Была зима, мы весело играли на улице, но вот ко мне подходят слуги матушки моей, царицы Марии Ильиничны, и говорят, что требует она меня к себе.

Прошло то время, когда я мог спокойно заходить в женский терем, без приглашения. Комната, где ждала меня матушка, находилась на верхнем этаже и, входя через порог, мне пришлось пригнуться. В самой горнице никаких вещей не было. Сразу напротив входа находились широкие полаты, на которых и возлежала царица-матушка, одетая по обычаю и в большом, богато украшенном головном уборе. И сказала она мне:

- Сынок, чувствую я, что не проживу долго. Мне очень хочется перед смертью внуков своих понянчить. Прошу тебя, женись на хорошей девушке.

По глупости своей не внял я тогда просьбе материнской, к тому же сама мысль о женитьбе воспринималась плохо, как что-то лишнее для жизни. Матушка была права и вскоре, по весне, после родов скончалась. А следом и сестричка-младенец.

Государь-батюшка горевал недолго, а тут давно вертелась сродница Матвеева - Наташка Нарышкина. Встретились мы с ней как-то наедине, и она, нагло глядя мне в глаза, сказала: Что, не захотел взять меня в жёны, а я всё равно царицей буду, всё равно выйдет по-моему!

Тогда я был занят на строительстве чудо-дворца в Коломенском, как старшего сына, меня поставили учиться командовать людьми. Я понимал, что прежде, чем командовать, надо знать сам предмет, над которым командуешь. Потому строительством от моего имени руководили

сами мастера-строители, а я же стал учиться их плотницким секретам. Они мне, правда, говорили, что не будь я царским сыном, они бы мне своих тайн не открыли ни за какие коврижки.

Смерть брата Алексея была для меня очень неожиданной. Приехали и сказали - брат умер. Вот недавно похоронили матушку, и вдруг - Алексей. На похоронах я был очень подавленным, так меня поразила странная смерть брата. Вскоре ко мне зачастили матушкины родственники. Ещё совсем недавно такие добрые и ласковые, они вдруг превратились в злобных и недовольных - от них уходило влияние в государстве, уходили большие доходные места.

К отцу-государю и мне было попасть непросто, надо через его людей просить у него разрешения на свидание. А он смеялся: - Не обеднеют твои Милославские, если я от них что-то и возьму. Вскоре отец донатешался и Наташка оказалась чреватой. Он же решил не выставлять девку на позор, жениться на ней. Многожды я ходил отговаривать отца от этого шага, не считая, сколько раз ходила матушкина родня и другие знатные люди. Но батюшка был неумолим - я виноват, я обязан. Позже вся Русь говорила: Спас девицу от позору, да в Руси бывать разору.

* * *

После свадьбы дела мои и моих родственников Милославских пошли совсем плохо. К новому дворцу поставили другого человека, а меня после строительства ни к чему не привлекли. Тогда я в своём тереме решил через древние книги сам разобраться в церковном споре, но мне сильно стали мешать Милославские, стараясь втянуть в их распри имущественные. Каждый день они приходили ко мне жалиться и просили меня постоять за них перед царём, их он уже не принимал вовсе. Но и меня, любимейшего сына, он вскоре перестал принимать.

И взяла меня тоска великая, да такая, что не стало сил у меня больше здесь, в столице, жить. Всё вдруг стало ужасно противно. И решил я бежать из города куда подальше. Сказал своё тайное желание близкой старице - добейтесь благословения на побег от протопопа Аввакума, сил больше нет жить здесь. Ох, долго меня отговаривали от этого шага, но я был непреклонен в принятом решении. Это было осенью. А зимой пришло благословение. Я, было, собрался в побег, а мне сказали: Только по весне побежишь, перед взломом рек. Жди, мы тебя позовём.

Разбудили поздно ночью, когда уже и не ждал. Просили собираться очень спешно - сани ждут. Собрался наспех, многое из желаемого не успел увязать, так торопили. Взял самое ценное - книги и свою личную икону Казанской Божьей Матери. Когда вышел на улицу, была пурга сильная. Саней оказалось двое, в каждые было запряжено по одной лошади. В одни сани положили мои вещи, а в другие сел сам. Меня тут же укутали большим овчинным тулупом и мы спешно поехали к городским воротам. По дорогам ехали только глубокими ночами, когда всяк добрый человек спит сном праведным, а днём спали, спрятавшись в глубине леса. Вначале ехали как бы на Соловки к монахам, вставшим за старую веру, но потом свернули на тропу тайную, ведущую к Волге.

Мой возничий, небольшой мужичок с чёрной бородкой, явно не одобрял побега. Все знали, что если нас поймают, то я, скорее всего, выживу, а вот остальным - верным моим, грозила смерть мучительная. Хотели ехать лесами, но реки ещё стояли и решили рискнуть сократить путь Волгой. Нижний проезжали, когда в нём уже не светилось ни одного огонька, только гора высилась. Нижний нам был не страшен, да и трудно нас разглядеть с другого берега. А вот караульная охрана Макарьевского монастыря, стоящего в устье, нас смущала. Она могла заметить, как мы въезжаем в Керженец. Но на вышке стража не заметно было - спал, небось. А тут другая напасть поджидала. Керженец намыл при впадении в Волгу большие черные полыньи и лёд там был очень тонок. И первая лошадь провалилась, но всё обошлось. Долго петляли по лесной реке, пока не добрались до нужных нам отшельников.

Каждый из них жил в своём скиту неподалеку друг от друга. Одиночество для постижений тайн Божьих считалось обязательным. Оставили меня жить у самого старшего. От него я постепенно стал понимать несказуемый дух Святых Писаний, скрытых от простого человека буквой. Но вскоре, по весне поздней, сказал он мне:

- Пожил и хватит. Иди, строй себе скит для себя. Нельзя нам вместе. Недолго мне осталось, а мне ещё многое вымолить и постичь надо. Мешаешь ты мне.

Дал, значит, благословение на жизнь отшельническую. Топором я владел хорошо и срубить скит было для меня не особо трудно. Старцев старался зря не беспокоить, но в особые дни мы обязательно для бесед и совместных молитв встречались. К ним приходили отправленные для меня посылки и секретные письма, так составленные, что чужому не разобрать. Однажды зашёл неожиданно младший из старцев и позвал к первому моему учителю скитскому: Пошли хоронить, преставился он, отдал Богу душу .

А вскоре похоронил я и младшего из двух старых иноков... Теперь письма стала носить из ближайшей деревни бойкая старушка тёмными ночами. До утра мы всегда с ней беседовали о вере, о жизни, а затем она поутру возвращалась обратно с вязанкой хвороста, чтоб не вызывать в деревне подозрений. Меня всегда мучил грех побега - ведь я решился на него против воли самого отца-царя, нарушая в глазах народных библейскую заповедь. Мне писали, что отец меня обязательно простит, ему деваться некуда и я спокойно вернусь в Москву. Но он очень крепко был на меня сердит, ведь я его перед всеми на позор выставил. Крепкие наушники у него тогда были, которые рады были моему побегу. И они подговорили написать отца Указ царский, где как бы старшим братом и наследником объявляется мой брат Феодор. А то ведь спрашивают его послы иноземные: А где твой старший сын и твой наследник? Знать мы его хотим и видеть .

Расстроил меня этот Указ очень, но мне писали, что он не имеет в себе Божьей силы, так как идёт против истины, всем известной. Писали: Всё равно ты наш государь после отца своего .

Когда же я заскучал в лесу от полного одиночества, то отписал протопопу Аввакуму, просил слов поучительных для понимания спора о вере, не всё мне в книгах понятно без доброго совета. Он ответил и был мне духовником до самой своей кончины огненной, коей я был причиной.

По книгам и по жизни нашей всё очень сильно походило на времена последние. Ох, как хотелось жить только по писаниям и заветам и по смерти лицезреть самого Христа, Сына Божия. Потому жизнь я вёл строгую, в согласии с нашими православными правилами и законами. Вот только грех побега не давал покоя.

Однажды глубокой зимней ночью принесла мне знакомая старушка тайную весточку. Как обычно, села она на лавочку и в предвкушении будущей беседы стала ждать, когда я прочту у горящей свечи письмо из столицы. От прочтения написанного земля из-под ног ушла. Поняла старушка, что страшную весть она принесла мне, что уже не до разговоров и стала собираться в обратный опасный путь. Я её не удерживал. Хотелось наедине остаться со своими горькими раздумьями.

Из письма я узнал, что неожиданно скончался мой отец, благословив на царство вместо меня младшего брата Феодора. Не простил мне побега отец даже перед смертью. Чтоб хоть как-то заглушить в себе нестерпимую боль и память о жизни загубленной, пошёл я во двор и стал рубить дрова до изнеможения. Долгие месяцы изнурял себя тяжёлым трудом, потом сказал: Всё, раз Москва спокойно приняла на царство Феодора, то и мне там делать нечего, остаюсь жить здесь, в лесу . Протопоп Аввакум успокаивал меня по поводу решения отца и писал о судьбе его посмертной: Сказал мне Дух Святый, нет-де там уж у вас робят тех, все здесь остались, да уж ты не сереешь кушанья тово, намали самого кушают черви, великого государя. Бедной, бедной безумное царишко! Что ты над собою сделал?.. Ну, так сквозь землю и пропадай! Полно христиан тех мучить, давно тебя ждёт матица огня .

* * *

После смерти отца я уже сирота и мог взять себе жену без родительского благословения. Написал письмо в Москву, где сказал, что твёрдо остаюсь жить на Керженце, хочу стать семейным, пусть сосватают мне там девицу, готовую разделить со мною лесную жизнь. Женой мне согласилась стать племянница тетушки Морозовой - княжеская дочь Анастасия Урусова. Протопоп Аввакум благословил нас. К приезду невесты поставил я дом большой и светлый.

Многие в то время не приняли законности царствования Феодора и стали переселяться ко мне поближе - по всей нашей жизни и вере законному государю. Но знал я, что меня усиленно

ищут для расправы в Москве и потому не раскрывался. А народу много переселилось, леса стало мало. Тогда я следил за каждым шагом моего брата, за каждым его решением. Радовался, когда видел, что он делает то же, что когда-то замышлял делать я. Но видно было, что он медлит, словно боится чего-то. Чтоб как-то взбодрить его, чтобы правил он не озираясь, я написал ему письмо, ставшее роковым для меня, для моих близких, для всей Руси. Написал я, чтоб правил без оглядки на меня, раз благословлен отцом, а против последней воли отца я не пойду. Ни силой, ни хитростью не пойду я против него. Правь, - писал я, - смело. Верил в его долгую жизнь. И было послано ему это письмо тайное.

А вскоре дошла до нашего леса страшная весть - сожжён мой духовник протопоп Аввакум со товарищами. Понял я прекрасно, что стало моё тайное письмо явным для врагов наших. Не сжёг его глупый Феодор, как полагалось сразу после прочтения, а отдал в руки чужие, вражеские. Предал меня брат ради чистоты власти своей, ведь всё мной писанное можно было объявить и как отречение от прав царских... Что мне и сказали сожжением дорогих мне людей.

На следующий год, по поздней весне, возвращался я с неудачной охоты, а дома меня в освещённой ярким солнцем горнице ждали послы московские. Их было двое и они были очень возбуждены. Рассказали о неожиданной смерти моего брата Феодора, отравленного вновь поднявшимся, а после убитом стрельцами Матвеевым. Что власть пока в руках сестры Софьи. Что есть у меня возможность занять законное место. И поведали мне гости задуманный ими план.

Я ответа не дал, попросил дать мне ночь на раздумья. Но не было мне дано этой ночи. Посланцы расшумелись, наперебой стали говорить, что всё уже решено, что в Москве их ждут с моим согласием немедленно. По этому замыслу я вначале должен был потребовать у Софьи добровольной передачи мне власти, как законному наследнику своего отца по старшинству. Что я и сделал. После этого я у неё просил разрешения для моих сторонников, держащихся старой веры, провести с властями спор на Лобном месте. В том споре должно было по тайному нашему замыслу мне выступить, чтоб показать всему миру, что я в своём уме и разуме, а не безумец, как распространяли про меня враги мои. Софья не могла отказать мне на две просьбы сразу. Правда, отцы спросили с сомнением:

- А победишь ли ты в споре, те сильны очень?

На что я ответил, немного подумав:

- Смогу.

Много было споров и сомнений насчёт моей подписи под письмом. Братец Феодор своим последним Указом вычеркнул меня из жизни заживо. И теперь всякий, имеющий на руках какой-либо документ или бумагу с моим именем, подвергался анафеме и смертной казни. Решил я не заручать письмо своим именем. Софья должна была знать мою руку и без подписи.

Сгубила нас излишняя уверенность моих сторонников в нашей окончательной победе. Разгадали наши планы бояре и возненавидевшие меня, за потери барышей, Милославские. Слишком самоуверенно вели себя послы мои...

И опять на мне запечатлелась кровь вставших за меня - грех несмываемый. Потому после сколько раз меня ни уговаривали вернуть себе власть законную, я уже больше не соглашался. Раз власть московская этого не хочет, то я силой, через кровь, на своё законное место не пойду. Раз не нужен я Москве, зачем навязываться. Что из этого хорошего может выйти? И стал я жить, как простой человек, которого не трон кормит, а труд.

* * *

Недолго продержалась Софья. Младший наш брат - Пётр, набрал силу, всех растолкал. Однажды ко мне зашли старцы и сказали, что знают - плотник я хороший, не возьмусь ли храм поставить. И место они уже определили на высоком берегу озера Светлого Яра. Взясся со страхом, но вспомнил все секреты мастеров - и удалась церковь на загляденье. Решили мы жить сами по себе, в лесах керженских, а были нас тысячи и тысячи. Для удобства стали рубить дорогу в сторону Городца.

Бельмом на глазу было у Петра наше церковное царство. Много его людей были заняты в поисках, да выглядывали они меня среди белоручек, а не справных крестьян. Грамотой своей я

не кичился, знатностью не гордился, слыл за молитвенника усердного, плотника ценного, охотника бывалого, семьянина доброго.

Со временем в дела царские я перестал вникать - жизнь простая требует труда неустанного. И уже успокоился, было, привык к своей кривой судьбе, да Пётр меня не забыл, страшился он и наследников моих. Вскоре, после смерти сестры нашей Марфы, осмелился он послать за мной воеводу с большим отрядом и дал им наказ - жгите, убивайте, мучьте, допытывайтесь, где я хоронюсь, но возвращайтесь обратно только со мной и моим семейством - живым или мёртвым.

Пришёл отряд в наши края зимой, когда стоят реки и промерзают болота и путь открыт. Весть о нашествии быстро распространилась среди близ живущих. Всех убитых и замученных ими в первом попавшемся на пути селении я знал по имени. Опять из-за меня кровь, опять муки. Как же жить-то мне на белом свете. И отправился я к старцам.

Стали думать, как быть нам. Решили, что меня с семейством ждёт у Петра гибель или неволя и в обоих случаях будут мытарить, чтобы от старой веры отрёкся. И сказал я, что у меня путь один - огненный.

Старцы стали отговаривать: Ты нам здесь живой нужен. Ты не ведаешь, что для нас твоя смерть. Нас, простых смертных, много и умереть за тебя не страшно. То, что невинные погибнут за тебя, открывает им двери в Царствие Небесное. Но я был непреклонен, я не хотел крови на себе. Тогда пришли к такому мнению - ради сохранения всех на смерть пойду я один со старшими сыновьями. Тогда людишек наших, жену и деток моих малых оставят жить.

Стали мы перебирать оставленные древние просохшие, но достаточно крепкие скиты. Не исключали, что подожжённый скит петровские ратники захотят взломать и вытащить нас оттуда силой. Нашли скит крепкий и древний неподалеку от озера Светлого. На том и порешили и благословили старцы нас на смерть вынужденную.

Сыновья, узнав о моём решении, воспитанные по-русски, ни слова поперёк не сказали. Достал я из своего тайника всю переписку с протопопом Аввакумом и отнёс всё старцам. Оставил им и свой образ - Заступницу Казанскую.

* * *

Подосланный мною человек вывел солдат к скиту ранним утром. Мы с сынами, готовые принять смерть, уже их ждали. Саженьях в тридцати я остановил служивых громким голосом. Сказал, что иду с сыновьями на смерть, но перед тем хочу взять с них клятву великую. Не как беглец, а как тот, кто должен был царствовать над ними по праву:

- Пожалейте жену мою и детишек, скажите брату, что они со мной сгорели.

На коленях дали солдаты мне эту клятву.

Перед тем, как наложить на дверь тяжёлый засов, последний раз посмотрел я на мир. К скиту, проваливаясь в снег по пояс, бежал неуклюже коренастый воевода и слезно умолял нас отказаться от вопроса, уже решённого. Он клялся, что ни один волосок не упадёт с голов наших. И была в голосе его тоска-печаль сильная и неподдельная...

Ваши комментарии к этой статье

№12 зима 2002-2003 г дата публикации: 1.12.2002

Источник: <https://facets.ru/articles3/komlev.htm>